

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

ВЕЧНЫЙ ДОЛГ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

Когда я слышу «актер сыграл правдоподобно», меня корбит. Вы только вдумайтесь, что обозначает это слово — «правдоподобно». Подобно правде. Это даже не правда, а некоторое подобие ее. А ведь искусство — это художественная правда. Если же это всего лишь та правда, которую я каждый раз вижу из окна, то... при чем тут искусство?

Уроки Довженко были школой. Не только творческой, но и житейской. Когда душевно взрослеешь.

— Выйдут из вас актеры или нет, — неизвестно. А пока давайте сделаем для людей что-нибудь доброе.

И повел нас на склад студии. Там мы взяли лопаты и пошли сажать на территории студии саженцы яблонь. И вырос сад. Сейчас Киевская киностудия почти полностью утопает в зелени садов. Я хорошо помню то место, где работал.

Александр Петрович учил нас понимать прекрасное, чистое, святое в искусстве, жизни, учил той эстетике, которую сам всю жизнь исповедовал.

Однажды Довженко пришел на урок и, присев на стул, долго молчал. Молчали и мы, понимая — что-то случилось, что-то взволновало нашего учителя.

— Только что видел женщину, — тихо произнес он. — Плакала она.

И стал вслух размышлять о том, что за несчастье могло приключиться с женщиной, что за горе такое, из-за чего она могла начать день в слезах. Он не просто размышлял, но переживал, волновался, он сострадал женщине, которую видел впервые!

Он учил нас быть чуткими к человеческому несчастью, понимать рядом живущего. Потому что, понимая людей, и сам ты становишься понятным им, и твой труд, и вся твоя жизнь.

Я перешел на третий курс, когда в мою уже начинавшую складываться судьбу ворвалась Отечественная война. В первые же дни пошел в военкомат записываться добровольцем. Но вместо фронта меня направили в Тюменское пехотное училище. Постигал военную науку и ожидал отправки на фронт. Но меня неожиданно оставили в училище в качестве преподавателя. Выпуск следовал за выпуском, уходили мои ученики воевать, и, расставаясь с ними, я словно отрывал от сердца ставших родными людей, ровесников, многие из которых так и не вернулись... На всю жизнь осталось во мне чувство вины перед ними — теми, с кем не довелось воевать рядом...

В 1946 году демобилизовался. Остался в Тюмени. Стал работать в местном драматическом театре. Кроме театра, работал диктором на радио, руководил двумя драматическими кружками, а в педагогическом институте преподавал предмет, который назывался «выразительность русской речи». И сам одновременно учился правильно и четко говорить по-русски: ведь оканчивал-то в свое время украинскую школу.

...В Тюменском театре была небольшая труппа. Работать было трудно. В периферийном театре много чаще, чем в столице, выходишь на сцену, плюс почти ежедневные выезды со спектаклями в самые отдаленные уголки, где только можно собрать в зал зрителей. Мы трудились, падая от усталости, не думая о том, что вот конец рабочему дню — и баста, никаких забот.

Роль в Тюменском театре сыграл много, сейчас уж и не припомню сколько.

На Всероссийском смотре театральной молодежи получил приз за исполнение роли Боровского, был допущен к заключительному туру смотра, который состоялся в Москве, в Центральном Доме работников искусств. После показа в Москве получил сразу несколько предложений — в Алма-Ату, Красноярск, Новосибирск... Был приглашен и в Московский театр имени Ленинского комсомола.

Принял предложение новосибирского театра «Красный факел». Стал работать под руководством В. П. Редлих, человека огромной театральной культуры. А рядом с ней — режиссер Энвер Меджидович Бейбутов, со взрывным темпераментом, яркой театральностью. Они дорожили каждым актером как явлением, которое все время должно вызывать интерес. Не эксплуатировали фактуру, а заботились о последовательном развитии творческой индивидуальности. Спустя какое-то время пришли сложные роли, но благодаря своим учителям я был уже готов к ним.

Настоящая творческая атмосфера работы, удачи — все это радовало, вселяло уверенность, рождало стимул к новым поискам. Поискам характерности. Сегодня я убежден, что едва ли не главным в работе актера является поиск характерности. Не внешней, нет, но того единственно неповторимого, что заключено в глубине человеческой души, в характере, что отличает одного человека от другого. Характерность, по моему разумению, есть внутренняя неповторимость каждого. Мне кажется, то некоторые из моих коллег забыли об этом. Часто меняются одежда, имена, и этим дело кончается. Одна органичность. Этого мало. Нужна поправка на образ. То есть перевоплощение в него.

В 1951 году спектакль «Вей, ветерок!» мы показывали на ленинградских гастролях «Красного факела», после которых я получил приглашения сразу в несколько московских и ленинградских театров: в Москве — в Малый театр, МХАТ, в Ленинграде — в Театр драмы имени Пушкина и Театр имени Ленинского комсомола.

Выбрал Малый театр. Но я понимал, что бросать творческую учебу не следует. Поэтому, когда при ВТО организовали семинар М. Н. Кедрова по практическому изучению системы Станиславского, сразу стал его участником. Этот семинар — бесценное событие в моей жизни. И прежде всего потому, что постигал я учение Станиславского не только на практике, но и от одного из ближайших учеников Константина Сергеевича. Четыре года продолжалась учеба.

На съемочных площадках во ВГИКе сейчас я сталкиваюсь со студентами, для которых образование закончилось... на втором курсе. Ну, все они знают! Обо всем судят безапелляционно. Эпизод? Помилуйте, что вы! Только в масштабах роли могу показать себя. Хорошо бы — в классике. Еще лучше — во многосерийной ее экранизации. Чтобы если уж тратить свой драгоценный талант... Чего мелочиться-то? Падать — так с высоты. А с высоты-то падать опасно, разбиться можно, если без ума-разума на высоту взбираться.

Нет, я отнюдь не против того, чтобы молодым сразу давали возможность проявить себя в деле. Речь о другом. О пренебрежении «мелочами». Пренебрежении тем, с чего ты, собственно, начинаешь свой путь. Мелочей в искусстве нет. Убежден, что надо учиться в любой профессии до конца своего пребывания в ней. Потому что трудиться осмысленно — это творить, заниматься творчеством. Ради чего-то. И прогрессировать в своем деле. А прогресс — это не что иное, как постоянное постижение нового. И часто постичь это новое можно, лишь обратясь к тому, что накопил. Оглянувшись в ту даль, которая была началом.

...В Малом театре я сыграл много ролей из классического и современного репертуара. Не всегда ровно и удачно складывалась моя судьба здесь. Но главным приобретением считал возможность учиться у больших мастеров — Веры Николаевны Пашенной, Николая Александровича Анненкова, Михаила Ивановича Царева, Елены Николаевны Гоголевой... Учился у неповторимого Игоря Владимировича Ильинского искать и лепить характеры своих персонажей.

И вот мне шестьдесят, больше сорока лет назад избрал я свой путь, свою профессию. Но и сегодня продолжаю учиться, изучаю и постигаю все лучшее, что уже создано и создается в театре и кинематографе, в искусстве актера и режиссера.

В том, что перешел в кино, нет ничего удивительного: я ведь получил в свое время образование в киношколе. Так что вернулся, как говорится, на круги своя.

После первых же работ в кино не раз слышал и читал о своей повышенной якобы театральности, и часто это ставилось мне в упрек. Некоторая-де преувеличенность, излишняя яркость красок. Но, честно говоря, я даже не представляю, как, если не ярко, с «некоторой преувеличенностью», играть Макара Нагульнова, например, с которого, к слову сказать, я веду свое «летосчисление» в кинематографе? Или Сорокина в трилогии Алексея Толстого?